

Е. В. Астахова

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ РИСКИ: ОПЫТ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ НУА

В статье затрагивается проблема формирования и проявления в системе образования рисков различной глубины и природы. Выделены такие риски как: кадровые, контингентные, финансовые, риски утраты качества. Обращается внимание на возможные пути смягчения названных рисков и, в первую очередь, на формы противодействия рискам снижения качества образования в условиях неопределенности и «институционализации хаоса».

Рассматриваемые риски даны в разрезе опыта научно-учебного комплекса непрерывного гуманитарного образования Харьковского гуманитарного университета «Народна українська академія».

Ключевые слова: образовательные риски, финансирование, студенческий контингент, кадровый потенциал, качество образовательного процесса, превращение рисков в возможности.

Астахова К. В. Освітні ризики: досвід функціонування НУА

Стаття присвячена проблемам формування та проявлення у системі освіти ризиків різної глибини та природи. Виділені такі ризики як: кадрові, контингентні, фінансові, ризики втрати якості. Звертається увага на можливі шляхи пом'якшення ризиків, які названі і, в першу чергу, на протидію ризикам зниження якості освіти в умовах невизначеності та «інституціоналізації хаосу».

Ризики, що розглядаються, наведені на прикладі досвіду науково-навчального комплексу безперервної гуманітарної освіти Харківського гуманітарного університету «Народна українська академія».

Ключові слова: освітні ризики, фінансування, студентський контингент, кадровий потенціал, якість освітнього процесу, перетворення ризиків на можливості.

Astakhova K. Education risks: experience of «PUA» functioning

The article addresses the problem of formation and manifestation of risks of various nature and intensity within the education system. Personnel, contingent, finance risks and risks of decline in quality were distinguished and discussed. Possible ways of mitigating the afore-mentioned risks, and above all, the risks of

decline in education quality under the conditions of vagueness and «chaos institutionalization» have been suggested.

The risks under consideration were shown in the light of the experience gained by Kharkov University of Humanities «Peoples Ukrainian Academy», a continuing education scientific and educational complex.

Key words: education risks, financing, student contingent, personnel potential, quality of educational process, to convert risk into possibilities.

Современные образовательные процессы характеризует высокий уровень изменчивости, неопределенности и нестабильности. Особенно если речь идёт об Украине, где на общемировые тенденции развития образовательного поля наложились проблемы политические и социально-экономические. Что в конечном итоге создало достаточно напряжённую ситуацию в сфере образования, разновекторное перманентное реформирование которого чаще приносит результаты, ухудшающие состояние системы, нежели улучшающие.

Сказанное ни в коей мере не установка на негатив как угол зрения на происходящее. Скорее, попытка определиться с точкой отсчета, правильное вычленение которой позволяет грамотно расставить акценты и сформулировать предмет исследования.

В истории любого государства, любого исторического периода можно легко найти времена, когда состояние образовательных институтов вызывало наиболее острое беспокойство и критику общества. Именно в такие моменты, когда недовольство качеством и результатами образования достигало наивысшего накала, как правило, начинались реформы.

Нынешнее положение дел имеет существенные отличия от исторических аналогов. Во-первых, сегодня реформирование приобрело перманентный характер. Во-вторых, первоначальным к поиску иных сценариев развития института образования является уже не только и даже не столько недовольство общества, сколько явное несоответствие между потребностями, диктуемыми временем, и теми результатами, которые образование (при сегодняшней его структуре и организационно-управленческой схеме) может давать.

Конечно, недовольство основных групп влияния и заказчиков образовательных институтов налицо. Но при этом в зону турбулентности

(с разной степенью рисков) попали все образовательные системы. Никто не может дать рецептов развития образования хотя бы на ближайшие десять-пятнадцать лет, которые бы гарантировали успех.

Более того, расширяющийся круг специалистов, занимающихся диагностикой современных образовательных практик (на всех ступенях образования), единодушны в своей тревоге: риски нарастают с катастрофической скоростью, а поиск путей выработки противовесов пока к вменяемым результатам не привёл.

Если проанализировать монографическую литературу, статьи, диссертации, посвящённые изучению различных аспектов образования современного периода, то можно легко вычленил одну общую для них черту. У всех звучат апокалиптические нотки. Все предрекают крах, катастрофу, развал и руины.

Думается, основания для такого единения есть. Практически впервые с момента институционализации образования как общественного института, сложилась ситуация явного несоответствия между образованием как институцией, транслирующей опыт и временем, в рамках которого этот опыт уже неприменим.

Скорость протекания изменений в науке, технологиях, медицине достигла таких величин, что обновление происходит практически каждые пять-семь лет. В таких условиях развивать систему образования, базирующуюся на прежних циклах и подходах невозможно. Накопление новой информации, научных открытий не позволяет системе образования не только обеспечивать их освоение обучающимися в полном объёме, но даже элементарно знакомить с ними.

Уже сегодня образовательные институты практически «скрывают» от обучающихся современный уровень научных знаний, ибо и сами за ними не успевают, и времени на их освоение требуется значительно больше, чем отведено современными практиками на общее среднее или высшее образование.

Сложилась ситуация, при которой «образование знания» должно уступить место «образованию понимания». Формула простая, но трансформация «под неё» образовательной системы – задача со множеством неизвестных.

Термины типа «вызовы», «риски» для современной образователь-

ной аналитики стали практически нормой. За последние три-пять лет появилось значительное количество публикаций по проблемам рисков в образовании. Их рассматривают и в общем образовательном контексте, и как отдельные конкретные риски.

Одна из первых, доступных автору, статей систематизирующих риски в образовании опубликована в 2015 г. [1]. Автор – Опфер Е. – выделяет наиболее типичные для государственного университетского сектора образования риски и относит к числу ведущих – финансовые. Безусловно, для любого высшего учебного заведения вопросы ресурсной базы являются ключевыми. Но вот степень остроты этой проблемы разная. Не в плане отсутствия интереса к источникам и объемам финансирования. Здесь принцип «чем больше, тем лучше», думается, подходит для любого вуза.

Дело в другом. Источники и схемы финансирования у постсоветских университетов и у североамериканских или западноевропейских, например, разные. И те, и другие используют государственное финансирование. Но при разном механизме применения, отчетности, степени автономии и пр.

Острота финансовых рисков разная. Во всяком случае, на современном этапе. И так может быть с каждым отдельно взятым «образовательным» риском. Их острота и локализация существенно разнятся в зависимости от многих причин. Конечно, можно обрисовать наиболее типичные риски для всех, но без учёта целого комплекса различий и поправок это будет печально известная «средняя температура по палате». В то время как для разных образовательных систем, регионов, городов и даже университетов острота тех или иных рисков будет сильно отличаться.

Если рассматривать риски в «одной отдельно взятой стране», то необходимо учитывать не только страну, где функционирует вуз, но и регион, город, форму собственности учебного заведения, его возраст, источники финансирования, численность преподавательского состава и студенческого контингента, соотношение численности общающихся на бакалавриате, в магистратуре, на программах последипломного обучения, особенности системы налогообложения конкретной страны, расходы на НИР, степень автономии и т.д.

Такая детализация не будет лишней, если целью является определение глубины рисков для конкретного университета.

Если сравнивать, например, финансовые риски для университетского сектора США и постсоветских стран, то стоит учитывать, в первую очередь, даже не разницу цифр, демонстрирующих расходы на образование. Отличия здесь очевидны.

Более важным представляется тот факт, что североамериканские университеты никогда не были так жёстко привязаны к госбюджету, как отечественные.

Анализ системы финансирования высшего образования не является предметом рассмотрения данной статьи. Хотелось бы только упомянуть, что у отечественных вузов значительно меньше опыта (или он отсутствует вовсе) существования в условиях постоянного сокращения государственного финансирования (к тому же достаточно резкого). Отсюда и более высокая степень остроты финансовых рисков, отсутствие механизма их смягчения и компенсирования.

Сказанное в меньшей степени касается университетов негосударственной формы собственности, у которых иные источники финансирования, механизмы распределения и контроля. Но от этого финансовые риски не становятся для них менее болезненными. Здесь просто иные акценты и масштабы. Но и цена ошибки значительно выше.

Аналогично финансовым, риски любой группы и направления, будь то внешние или внутренние, имеют свою специфику и степень остроты в каждом конкретном университете. Что не исключает, конечно, необходимости анализа и на мегауровне.

Если говорить о рисках, наиболее типичных для новых университетов, к числу которых относится и Харьковский гуманитарный университет «Народная Украинская академия», созданный в 1991 г., то и в этом случае необходимо учитывать некоторые особенности образовательного комплекса:

- в его структуру входит не только университет, но и общеобразовательная специализированная школа, дошкольная структура и все формы последипломного образования;
- высокий уровень конкуренции на образовательном поле Украины и Харькова вынуждает университет постоянно учитывать ценовую

политику других учебных заведений, ориентироваться на нее;

– миссия университета построена на отрицании коммерциализации образования, но которое по определению не может быть услугой;

– НУА строилась на принципах социальной ответственности. Здесь реализуется большое количество социальных программ и проектов, что не совсем типично для частных учебных заведений.

К числу наиболее острых, если говорить о ранжирования рисков для НУА, относится риск ОБЕСПЕЧЕНИЯ КАЧЕСТВА ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА.

Это риск комплексный. Здесь своеобразные «зоны ответственности» распределены между внутренними и внешними сторонами. Обеспечение баланса между ними требует высокого уровня развития риск-менеджмента.

НУА – образовательное учреждение новое, её предпочтения строятся исключительно на авторитете и имидже. Любые промахи и проколы, связанные с качеством подготовки, наносят учебному комплексу непоправимый ущерб. Репутация молодого учебного заведения значительно более уязвима, нежели у тех, кто находится на образовательном поле столетиями.

И наоборот, формирование и укрепление репутации образовательного учреждения, как институции, обеспечивающей качество подготовки, создаёт дополнительные возможности.

Качество образовательного процесса в НУА зависит от множества факторов, среди которых наиболее значимыми являются: качество набора студентов; качество профессорско-преподавательского состава; уровень материально-технической базы и финансового обеспечения; глубина интернационализации, система управления качеством и т. д.

В последние годы вузы Украины заметно продвинулись в освоении практик управления качеством. Но, думается, системная и, главное, эффективная работа ведется не во многих.

КАДРОВЫЕ РИСКИ представляют собой вторую группу. Интересно подчеркнуть, что проблема «старения кадров», в отличие от других университетов, ХГУ «НУА» затрагивает в меньшей степени. Это связано, не в последнюю очередь с относительной молодостью

учебного заведення и с использованием политики инбридинга (несмотря на различное к нему отношение в вузовской среде).

Средний возраст преподавательской корпорации НУА составляет 46 лет и имеет тенденцию к снижению. Аналогичны показатели по докторам и кандидатам наук, средний возраст которых ниже, чем в Украине. Такие показатели стали возможны в результате достаточно гибкой кадровой политики и кадровой работы, а так же за счёт постепенной естественной замены преподавателей старших возрастов выпускниками НУА.

Стабилизировался процент текучести преподавательских кадров, балансирующий в пределах от 5 до 10%. В 2016–2017 учебном году он составил 6%. Этот показатель можно отнести к категории достижений, ибо на начальном этапе развития, когда большую часть профессорско-преподавательского корпуса составляли совместители, текучесть кадров в НУА достигала 20–22%.

Однако кадровые риски не ограничиваются одними статистическими показателями. Куда большую угрозу, представляется, несёт утрата академического этоса – проблема, носящая отчасти скрытый латентный характер и поразившая всю систему отечественного высшего образования.

По целому ряду причин академическая культура, присущая университетскому сектору образования, в отечественной высшей школе угасает. Укореняются модели поведения, которые ещё совсем недавно были и неприемлемы, и недопустимы в академическом сообществе. Речь идёт о снижении требовательности, массовом студенческом мошенничестве, выражающемся в списывании, покупке курсовых и дипломных работ, нарушении этических норм и т. д. Для преподавательского корпуса характерны иные проявления этой болезни и они тоже не носят единичного характера: плагиат, покупка кандидатских и докторских диссертаций, званий, низкое качество занятий, игнорирование НИР, коррупционные проявления.

Учитывая наличие таких граней кадровых рисков, НУА предпринимает системные меры для сохранения академического этоса, трансляции такой академической культуры, которая бы не отторгала аналогичные проявления.

Здесь, представляется, многое зависит от обеспечения преемственности поколений в преподавательской среде, наличия и соблюдения традиций, резкой, негативной, публичной реакции на любые проявления неакадемического поведения студентов и преподавателей, большого объёма превентивных мер, в том числе и финансовых, обеспечивающих преподавателям достойное существование.

Не последнюю роль в сохранении академического этоса играет и отсутствие разрыва между вербальными установками и реальной ситуацией в университете, действиями и поведением управленческого ядра, наличием культуры диалога.

Эта грань кадровых рисков требует постоянного внимания ещё и потому, что порой внутренняя культурно-образовательная среда учебного заведения сильно диссонирует с запросами и установками общества, полностью перешедшего на потребительские позиции и ощутило снизившего морально-нравственные установки.

Безусловно, университеты призваны удовлетворять потребности общества, но при этом нельзя забывать об из обязанности эти потребности ещё и формировать. В противном случае установка на «чего изволите» выхолостит саму суть университетского образования.

Споры о том является ли образование услугой или нет не затихают [2–6]. Но едва ли сегодня можно отрицать: образование как таковое является процессом становления и развития личности в процессе приобщения к культуре общества, осуществляемом человеком в общении и совместной деятельности с другими людьми. Образование всегда представляет собой самообразование (learning, а не teaching). Это процесс по природе своей нерыночный, не поддающийся рассмотрению в терминологии внешних благ или услуг.

Едва ли услугой является то, что человек делает для себя сам. Ведь человек не «получает» образование а «берет». В конечном итоге образование даже не благо, а неотчуждаемое свойство жизни человека [7, с. 56].

Именно с таких позиций НУА выстраивает свои отношения с внутренними и внешними стейкхолдерами, в первую очередь с родителями школьников и – отчасти – студентов. Но риск превращения образования в услугу реален. Противостояние ему – крайне

важная грань кадровых рисков для частного учебного заведения в первую очередь.

Третья группа рисков по порядку, но не по значению – это ФИНАНСОВЫЕ РИСКИ. Отчасти о них уже шла речь. Для учебных заведений негосударственной формы собственности они, конечно же, существуют, однако имеют иную окраску, иные акценты.

Частные учебные заведения не зависят от государственного финансирования и им, естественно, не страшны тенденции его сокращения. Это не плохо и не хорошо. Это данность. Но есть иные грани – риски постоянного повышения оплаты обучения, которая жёстко привязана к стоимости коммунальных услуг, к зарплатной политике государства, к росту цен на услуги, технику, расходные материалы, строительство и ремонты. Немаловажным риском из этого же ряда является неустойчивость грунтовых, спонсорских и фандрейзинговых поступлений в бюджеты частных учебных заведений.

Устойчивой культуры благотворительности на нужды образования, спонсорских программ в Украине ещё нет. Как и нет возможности развивать эндаумент фонды или иные формы долговременного использования средств в силу нестабильности экономики.

Все это, вместе с отсутствием опыта получения и управления крупными грунтовыми проектами, не позволяет пока частными университетами иметь дискреционные средства, так необходимые для инновационного развития. А без них финансовые риски приобретают подчас достаточно жесткие формы.

Для их смягчения НУА использует формулу «50 на 50»: если взять за сто процентов недостающие средства, то 1/2 нужно экономить, а 1/2 дополнительно заработать. Иными словами, не только экономить или находить дополнительные средства, а сочетать подходы – и экономить, и зарабатывать. Эффективность у такого подходы высокая, но краткосрочная, ибо политика экономии не беспредельна и может опереться в физическую реальность.

Ещё один значимый риск – это РИСК КОНТИНГЕНТНЫЙ. Как правило, его связывают только с сокращением численности студентов, что для Украины, является весьма болезненной проблемой.

Демографічний кризис, ставший системним, в переплетенні з економічним і соціально-політичним, привели до скороченню абітурієнтської середовища до таких параметрів, коли на визначеному етапі в країні сталося бюджетних місць в університетах (сумарно) більше, ніж випускників середніх шкіл відповідного року.

Міри, прийняті державою цю проблему, представляється, тільки обострили і заплутали. Як результат – контингентні ризики починаючи з 2015 року вийшли для української системи вищої освіти единою лінійкою не на перше місце.

Естественно, що в таких умовах ризики скорочення контингенту для приватного сектора стали гостріше. Відсутність бюджетних місць, стипендій, ряду соціальних гарантій, які держава закріпило виключно за державними університетами (несмотря на вступлення України в ВТО, яка вже на рівні статутних своїх вимог забороняє державам давати преференції установам і організаціям, іми (державами) створеними, жорстка (далеко не завжди чесна) конкуренція – все це скоротило можливість маневру для внебюджетного сектора. Починаючи з 2014–15 г. кількість університетів цієї форми власності стала скорочуватися. Від 120–125 установ до 65–70, реально функціонуючих.

Хоча варто обговоритися одразу: достовірної статистики по недержавному сектору освіти немає. Міністерські дані, дані Єдиної державної бази освіти, регіональні і областні статистичні показники, підрахунки громадських організацій і асоціацій приватних навчальних закладів сильно між собою розходяться, що ускладнює аналіз тенденцій і процесів. Особливо по позиціям контингентних ризиків.

Для НУА контингентні ризики представляють достатньо велику загрозу, оскільки напряму пов'язані з ресурсними можливостями. Але за рахунок попередньої роботи, дозволившої підготуватися (наскільки це було можливо) до наслідків демографічної кризи, контингентні ризики вдається частково компенсувати і пом'якшити.

Досягається це за рахунок стабільних наборів на форми післядипломної освіти, зростання кількості навчаючихся в обще-

образовательной школе НУА, сохранения имеющегося контингента и т.д.

Есть ещё одна грань контингентного риска, которая реже анализируется в литературе. Это снижение качественных параметров абитуриентов, появление значительной части выпускников общеобразовательных школ, которые не готовы к формам обучения, предлагаемых высшей школой. У них отсутствуют учебные навыки, им сложно осуществлять постоянные интеллектуальные усилия, без которых получение образования невозможно.

Эта грань контингентных рисков вынуждает университетский сектор образования брать на себя не только функции первичной социализации, которые раньше выполняла школа, но и «дотягивание» студентов до уровня, позволяющего получать высшее образование. Дополнительные и индивидуальные занятия, и сессии, тренинги, дистанционные курсы и пр., и пр. – формы хорошо знакомые высшей школе сегодня. Но пока университет затрачивает усилия на «дотягивание» и «выравнивание», не остаётся времени - в прямом смысле слова – на достижение того качества и уровня, которые сегодня требуются от университетского образования.

Контингентные риски дают себя знать чем дальше, тем больше. И в первую очередь, в части качества абитуриентской среды, её готовности к обучению в высшей школе. Стоит упомянуть о снижении общей мотивации к получению высшего образования как такового.

Переплетение этих причин требует от вузов иных методов создания собственной абитуриентской среды и её подготовки ещё на довузовской уровне.

Конечно, каждый университет в отдельности стремится получить максимально качественный набор и работать с хорошо подготовленными студентами. Однако мировая практика показывает: то, что естественно и хорошо для одного вуза, не совсем хорошо для образовательной системы в целом. Современные системы образования тем ценнее, чем они приспособленнее и подготовленнее к работе с разными по уровню и предистории образования студентами. Получается, что система высшего образования должна отработать методики и подходы, позволяющие без ущерба для качества подготовки,

работать и со студентами продвинутыми, способными, и с теми, кто имеет не столь высокие результаты предварительной ступени обучения. Связано это с тем, что современные технологии вынуждают общество обращать внимание на качество человеческого капитала в целом, на уровень образования значительных масс людей, а не отдельных групп. Только в этом случае высшее образование может решать задачи, стоящие перед сегодня.

Проблема рисков в современном образовании имеет множество граней и оттенков. Уже шла речь о том, что при общей их схожести, они имеют отличия и весьма существенные. Найти ответы на все вызовы едва ли удастся одной какой-то образовательной системе или университету. Скорее всего будет идти длительный поиск путей смягчения рисков и оптимизации их последствий.

Постоянно возрастающие риски и их диверсификацию – серьезные проблемы для высшего образования. Но, как мы знаем, проблемы – это возможности. Задача же самих университетов превратить первые во вторые.

Список литературы

1. Опфер Е. А. Риск-менеджмент в управлении качеством образования в вузе / Е. А. Опфер // Высшее образование в России. – 2015. – № 10. – С. 84–90.
2. Гребнев Л. WTO и Российские ВУЗы: от жесткой конкуренции к взаимовыгодному сотрудничеству / Л. Гребнев // Высшее образование в России. – 2006. – № 4. – С. 28–32.
3. Гребнев Л. Образование – рынок «медвежьих услуг» / Л. Гребнев // Высшее образование сегодня. – 2005. – № 3. – С. 55–65.
4. Запесоцкий А. Платное образование – не услуга, студент – не клиент / А. Запесоцкий // Высшее образование в России. – 2002. – № 2. – С. 48–53.
5. Майбуров И. Соотношение понятий «образование» и «образовательная услуга» / И. Майбуров // Право и образование. – 2003. – № 5. – С. 34–43.
6. Танган С. Образование – право человека или коммерческая услуга / С. Танган // Педагогика. – 2006. – № 9. – С. 3–14.
7. Гребнев Л. WTO и Российские ВУЗы: от жесткой конкуренции к взаимовыгодному сотрудничеству / Л. Гребнев // Высшее образование в России. – 2006. – № 6. – С. 55–65.

References

1. Opfer Y.A. Risk-menedzhment v upravlenii kachestvom obrazovaniya v vuze [Risks management in controlling the quality of education at a higher school]. Vyisshie obrazovanie v Rossii – Higher education in Russia, 2015, no. 10, pp. 84–90.
2. Grebnev L. VTO i Rossiyskie VUZyi: ot zhestkoy konkurentsii k vzaimovyigodnomu sotrudnichestvu [World Trade Organization and Russian higher schools: from hard competition to mutually beneficial cooperation]. Vyisshie obrazovanie v Rossii – Higher education in Russia, 2006, no. 4, pp. 28–32.
3. Grebnev L. Obrazovanie – rynek «medvezhih uslug» [Education – the market of «dubious benefits»]. Vyisshie obrazovanie segodnya – Higher education today, 2005, no. 3, pp. 55–65.
4. Zapesotskiy A. Platnoe obrazovanie - ne ushuga, student - ne klient [Paid education is not a service, a student is not a client]. Vyisshie obrazovanie v Rossii – Higher education in Russia, 2002, no. 2, pp. 48–53.
5. Maiburov I. Sootnoshenie ponyatiy «obrazovanie» i «obrazovatel'naya ushuga» [Correlation of notions «education» and «educational service»]. Pravo i obrazovanie – Law and education, 2003, no. 5, pp. 34–43.
6. Fangian S. Obrazovanie – pravo cheloveka ili kommercheskaya ushuga [Education – the right of a person or a commercial service]. Pedagogika – Pedagogy, 2006, no. 9, pp. 3–14.
7. Grebnev L. VTO i Rossiyskie VUZyi: ot zhestkoy konkurentsii k vzaimovyigodnomu sotrudnichestvu [World Trade Organization and Russian higher schools: from hard competition to mutually beneficial cooperation]. Vyisshie obrazovanie v Rossii – Higher education in Russia, 2006, no. 6, pp. 55–65.